

С того момента, как старший брат исчез, нервы Юаньдина были натянуты, как тетива, и теперь наконец оборвались. Он уткнулся лицом в ледяную шею Бянь Хуна и разрыдался в полный голос. Ему самому было всего семь лет, но всё это время он думал, как увести с собой слабого Гуанбао, как добыть как можно больше проса, вдруг возьмут слишком мало и им не отдадут обратно их брата Си; как тайком узнать, куда увезли старшего брата. Он слышал, будто его «унесли в горы Момэн», вот и повёл ночью брата туда.

По дороге, встретив голодных беженцев, они прятались в собачьи норы. Но мешок с зерном сильно трясло, он зацепился за ветку, прорвался и, когда Юаньдин заметил, проса почти не осталось. И всё же именно эта дорожка рассыпанного проса спасла им жизнь: она надолго отвлекла крупных хищников, патрулирующих подножье горы Мэмэн в поисках пищи. Иначе до встречи с Жун Фэном оба мальчика, вероятно, не дожили бы.

Минь Байгуй, глядя на троих племянников - одного большого и двух маленьких - обнимающихся вместе, с облегчением выдохнул, но одновременно и похолодел от ужаса: ещё чуть-чуть, и эти трое братьев могли погибнуть по его вине. Не стоило ему тогда ради пятидесяти цзиней проса соглашаться на ту дурацкую затею жены с подменной невесты.

Он испуганно покосился на Жун Фэна, стоящего неподалёку от Бянь Хуна, поколебался, но всё-таки заговорил:

— Минь Си, я вижу, эти дети без тебя не могут... Может, тебе всё-таки домой вернуться?

Бянь Хун, прижимая к себе Юаньдина и Гуанбао, чувствовал, как сердце разрывается. Но стоило ему чуть-чуть подумать, он понял - в дом Минь ему дороги нет. В той семье и так восемь ртов, еды почти не осталось; если он вернётся и попытается разделить те крохи, этой зимой никто из них не выживет.

Тем более, если он уйдёт, как тогда быть с долгом в пятьдесят цзиней проса?

Не имея иного выхода, Бянь Хун поднял голову и посмотрел на мужчину, который, завидев толпу, всё это время держался в стороне и не подходил ближе.

Жун Фэн держался в стороне от толпы, погружённый в собственные мысли. С того момента, как он накануне вошёл в горы, он почти не останавливался. Его намерением было сначала найти корень хуанцзина, затем добыть побольше дичи и затащить всё это обратно. Обычно он охотился мало, больная мать плохо переносила мясо диких животных, да и сам он питался кое-как, чтобы только перебиться. Но в этом году в доме стало на одного человека больше, да и тот тихий маленький ланцзюнь готовил удивительно вкусно... Поэтому Жун Фэн решил пройтись по местам, где водится зверь.

Он шёл, выискивая следы зверей в снегу: стоило только заметить цель, как он мгновенно поднимал лук, натягивал тетиву и одним точным выстрелом убивал добычу. Но когда он по следам на снегу дошёл до упавшего от его стрелы кабана, он увидел совсем другое: двоих детей, съёжившихся в кустах, прижавшихся друг к другу, дрожащих от холода так сильно, что

зубы стучали, а губы посинели.

Они казались знакомыми. Старший уже почти потерял сознание от холода. А вот младший, хорошо укутанный, держался лучше и даже моргнул на Жун Фэна, будто узнавая его. И действительно, Гуанбао узнал этого необычайно высокого и сильного мужчину, которого видел уже дважды.

Так и произошла ситуация, благодаря которой трое братьев смогли вновь обнять друг друга живыми.

Мир непостоянен: никогда не знаешь, в какой миг родные будут разлучены, а судьба перевернется. Так случилось с этими тремя братьями, так же - с ним самим и его тяжело больной матерью.

Жун Фэн встретил прямой, обращённый снизу вверх взгляд маленького ланцзюня. В этом взгляде теплилась крошечная искра надежды, прятая под слоями боли, растерянности и оцепенения. Искра такая слабая, что казалось, ещё немного, и холодный снег, кружащий вокруг, погасит её окончательно.

Он ничего не сказал. Лишь сделал один шаг вперёд и, под изумлёнными взглядами собравшихся, встал так, чтобы заслонить троих от косого снегового ветра. Дал им хоть мгновение передышки.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Мать дома одна.

Бянь Хун понял: ему позволили. Его приняли. Он сжал свои озябшие, онемевшие пальцы и хрипло произнёс:

— Спасибо.

Жун Фэн не ответил. Ветер и снег били всё сильнее; Бянь Хун уже не мог различить выражение его лица. Он видел лишь одно: мужчину, который протягивает руку к двум маленьким детям.

Соседские жители вокруг невольно раскрыли глаза от удивления. Даже Минь Байгуй опешил, а уж Ли-санлан тем более: он-то прекрасно знал, какой железный стержень этот Жун Фэн. Чтобы собрать недостававшие пятьдесят цзиней проса, которые он сам же и прикарманил, ему пришлось униженно молить о пощаде, только так он избежал гибели. И вот теперь в самый голодный год Жун Фэн соглашается взять на содержание двух детей, с которыми его ничего не связывает по крови? Невероятно.

Но малыши, едва снова увидели Бянь Хуна, уже ни за что не хотели отпускать его. Они намертво вцепились в его одежду и отказывались снова позволить этому большому, страшному

мужчине затолкать себя под его руку. А Бянь Хун сам едва держался на ногах. Жун Фэн уже решил просто закинуть его на спину и унести, но в этот момент Бянь Хун со всей силы сжал бескровные губы, выпрямился и, шатаясь, всё же встал.

— Дорогие сельчане... — он поклонился, прижав руки к груди. — Сегодня вы прошли по горам и снегу, помогая искать детей... благодарю вас всех. В другой день мы, трое братьев, непременно лично придём отблагодарить.

Соседи тут же замахали руками, отступая.

— Ай, что ты такое говоришь! Мы все тут свои, разве ж трудно помощь подать? У каждой семьи своя беда - зубы стиснешь и переживешь.

- Спасибо-то за что, не стоит таких церемоний!

Потом кто-то тихонько дёрнул Минь Байгуя за рукав и многозначительно покосился:

— Эй, Лао Минь, дети нашлись - и ладно. Пусть теперь идут к его... брату домой, ты больше не вмешивайся. Вон, живут же у него, вроде всё ладно.

А главное - никто из них не хотел связываться с тем самым «порождением бесов». Если Минь Байгуй вдруг вздумает ради детей сцепиться с тем человеком, никто из соседей не рискнёт полезть разнимать.

Минь Байгуй увидел, как Бянь Хун снова ему поклонился, затем взглянул на трёх братьев и на того самого зятя с «глазами призрака». Вздохнув, он только кивнул и вместе со всеми развернулся обратно в деревню. По дороге он всё думал: может, этот брак, «где один нем, а другой слеп» и правда судьбой написан.

Бянь Хун долго смотрел вслед людям, которые, пользуясь остаточным светом, уходили по снегу. За его спиной раздался негромкий голос Жун Фэна:

— Пошли.

Так один взрослый и двое маленьких шатко, неровно, но всё же двинулись за мужчиной, шаг за шагом поднимаясь по заснеженному склону. И остался на белой земле их след: глубокие и мелкие, спутанные, но упрямые следы, тянущиеся к двум маленьким домам у подножия горы Мэмэн.